

В.В. ПЕНСКОЙ

ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЕВРОПЕ XVI–XVII веков И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Переход от Средневековья к Новому времени проходил мучительно и крайне болезненно. На непрерывные войны и конфликты, порожденные межгосударственным соперничеством, конкуренцией, борьбой за гегемонию в Европе и за заморские колонии, за доступ к далеким рынкам и источникам золота и пряностей уходили годы и растрачивались огромные силы и средства. Свою "лепту" внесли и религиозные войны, непримиримая вражда между католиками и разного рода протестантами, во время которых разрушались города и деревни, гибли сотни тысяч людей, ставились под вопрос существование целых государств и право на выбор образа жизни и мысли.

Все это обусловило стремительное развитие европейского военного дела. Прусский военный теоретик XIX в. К. Клаузевиц писал: "Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостать насилию же... Физическое насилие является... средством, а целью будет – навязать противнику нашу волю"¹.

Перемены в европейском военном деле на заре Нового времени отечественный историк А.Б. Каменский охарактеризовал в одной из своих последних работ следующим образом: "Шестнадцатое-семнадцатое столетие в истории Европы – время так называемой "военной революции", когда создаются хорошо оснащенные, профессионально обученные, регулярные армии с преобладанием пехоты и артиллерии"². В российской историографии сам термин "военная революция" до сих пор практически не использовался, и уж тем более не изучалась ее внутренняя сущность как применительно к Европе и остальному миру, так и по отношению к России.

Между тем за рубежом дискуссия вокруг военной революции, ее сущности и хронологии, тех перемен, которые вызвали изменения в вооружении, тактике и стратегии, обществе и государстве, продолжается с тех пор, как английский профессор М. Робертс впервые использовал этот термин в 1955 г.³ Основные положения концепции военной революции 1560–1660 гг., которые были им обозначены, заключались в следующем. Во-первых, это была революция в тактике, когда на смену пику пришел мушкет.

Пенской Виталий Викторович – кандидат исторических наук, доцент Белгородского государственного университета.

¹ Клаузевиц К. О войне, т. 1. М–СПб., 2002, с. 47.

² Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999, с. 84–85.

³ Лекция, прочитанная М. Робертсом в 1955 г. в Белфастском Королевском университете, вышла отдельным изданием в следующем, 1956 г., а также в несколько измененном виде была опубликована в ряде работ: Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660. – *idem*. Essays in Swedish History. London, 1967, p. 195–225; *idem*. Die militärische Revolution 1560–1660. – *Absolutismus*. F.-am-M., 1986, S. 273–309. Многие аспекты, связанные с военной революцией, были подробно разработаны в работах Ф. Энгельса. См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 5–50; 196–221; 296–325; 326–351; 352–379; т. 20, 5–338; 655–662; Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. соч., т. 6. М., 1987, с. 255–264, а также в трудах отечественных профессиональных военных историков, например: Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889; Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. См. также: Tallett F. War and Society in Early Modern Europe 1495–1715. London, 1992, p. 1.

Вытеснение холодного оружия в качестве первостепенного огнестрельным означало, что в пехоте громоздкие, массивные колонны пикинеров были заменены небольшими, единообразно устроенными подразделениями мушкетеров, способных вести залповый огонь по неприятелю. Аналогичные процессы происходили и в кавалерии. Жандармы, эти наследники средневекового рыцарства, и вооруженные пистолетами рейтары были вытеснены кирасирами и драгунами. Прежний способ кавалерийской атаки состоял в том, что построенные глубокой колонной рейтары медленно сближались с неприятелем, после чего первая шеренга разряжала свои пистолеты по врагу в упор и возвращалась назад для перезарядки оружия. За нею аналогичный маневр, получивший название *caracole*, повторяли последовательно остальные шеренги рейтар. Теперь он был заменен атакой на быстрых аллюрах с холодным оружием в руках. Стрельба же с коней постепенно отошла на второй план. Во-вторых, произошла революция в стратегии. Новые армии позволяли военачальникам и монархам преследовать в ходе военных кампаний намного более далеко идущие цели. Они могли отваживаться на решающие сражения без боязни, что неопытные войска выйдут из-под контроля своих командиров. В-третьих, изменился характер войн, значительно увеличились их размах и напряженность, что вызвало более или менее непрерывный рост численности постоянных армий. В-четвертых, изменение характера ведения войн привело к значительным экономическим, общественным и политическим переменам как в целом в Европе, так и в отдельных государствах. Военная революция способствовала становлению в Европе абсолютистских режимов⁴.

"В течение нескольких лет в известной степени туманная концепция военной революции, – по словам канадских исследователей Б. Хэлла и К. Девриса, – стала новой ортодоксией в истории Европы на заре Нового времени"⁵. После некоторого затишья в 60–70-е годы минувшего столетия интерес к этой теме неожиданно возрос в 80-е годы. За это время выросло новое поколение историков, накопились новые материалы и новые идеи, которые потребовали критического пересмотра концепции М. Робертса. Начало процессу ревизии идеи военной революции положил британский историк Дж. Паркер в книге "Военная революция 1560–1660 – миф?"⁶. За ней последовал целый ряд других исследований, в которых были изложены все основные "за" и "против" военной революции⁷. Интерес к изучению данной проблемы продолжает оставаться значительным и в наши дни, захватывая все новые и новые аспекты тех перемен, которые имели место в военном деле позднего Средневековья и начала Нового времени.

Таким образом дискуссия вступила в новую стадию и даже сейчас, спустя почти столетия, она далека от завершения. Но уже сегодня можно подвести определенные итоги. Сам факт серьезных перемен в военном деле, совпавших по времени с широким внедрением в военный обиход позднесредневековой Европы огнестрельного оружия, уже давно ни у кого не вызывает сомнения. Мнения историков расходятся по нескольким основным вопросам: являлись ли эти перемены действительно революционными, каков их временной и пространственный охват и в чем заключались их последствия как для истории Европы, так и для всего мира.

В целом по отношению к проблеме военной революции XVI–XVII вв. в зарубежной историографии можно выделить несколько основных направлений. По существу, прямым продолжателем дела М. Робертса стал Дж. Паркер, в целом ряде работ аргумен-

⁴ См. Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660, p. 195–225.

⁵ Hall B.S., Devries K.R. The Military Revolution Revisited. – *Technology and Culture*, № 31, 1990, p. 500.

⁶ Parker G. The "Military Revolution", 1560–1660 – a Myth? – *The Journal of Modern History*, v. 48, № 2, June 1976, p. 195–214.

⁷ Среди них заслуживают упоминания такие исследования, как: Hale J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450–1620. New York, 1985; Parker G. The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1988; Tallett F. Op. cit.; Black J. European Warfare 1660–1815. New Haven–London, 1994; *idem*. War and the World. Military Power and the Fate of Continent 1450–2000. New Haven, 1998, и др.

тировано и обстоятельно изложивший все доводы "за", при этом существенно дополнив и развил концепцию своего предшественника, придав ей большую стройность и определенность⁸. В таком виде военная революция привлекла к себе значительное число сторонников и нашла отражение в целой серии статей и исследований⁹.

Вместе с тем в эти же годы возникло и окрепло течение, подвергающее сомнению саму идею военной революции. Ученые, которых можно причислить к данной группе, скорее являются сторонниками идеи постепенного, поэтапного развития и изменения военного дела. Американский исследователь Дж. Хэйл предложил использовать для описания процессов эволюции военного дела в позднем Средневековье и в начале Нового времени термин "военная эволюция", поскольку, по его мнению, процесс перемен в военной сфере оказался слишком растянут во времени¹⁰.

Более того, один из главных "эволюционистов" американский историк Дж. Линн предложил вообще отказаться от идеи военной революции, выдвинув взамен свою гипотезу развития европейского военного дела. Военное искусство в Западной Европе прошло ряд стадий, последовательно переходивших одна в другую. Между 800 и 2000 гг. военное дело в Европе насчитывает семь этапов своего развития – феодальные ополчения; средневековое наемничество; армии смешанного комплектования; армии, которые набирались и содержались исключительно государством; конскрипционные армии; "массовые" армии и добровольческие "технические" армии. При этом он подчеркивал, что для изучения особенностей военного строительства на каждом этапе более важным представляется исследование таких аспектов, как способы комплектования вооруженных сил, их организация, проблемы мотивации и морального духа, состояние командования, формы оплаты военнослужащих и отношение армии к обществу и власти. Технологические и тактические новшества вместе со способами подготовки и обучения личного состава вооруженных сил, которым сторонники военной революции уделяют главное внимание, на взгляд Линна, конечно же важны, но по отношению к названным выше аспектам занимают второстепенные позиции¹¹.

Подобный радикализм пока не встретил серьезной поддержки, но в известной степени привел к новому "размыванию" временных и территориальных рамок военной революции. Ряд историков полагают, что на протяжении более чем 300 лет, с середины XV и до начала XIX в., было по меньшей мере две военные революции. Кроме того, по их мнению, рассматривая эту проблему, не стоит замыкаться только европейскими рамками, а необходимо изучить изменения в военном деле в других регионах мира, имевшие место в это же время, а также их взаимовлияние¹². Некоторые же, как, например, американский историк М. Прествич, и вовсе полагают, в чем-то смыкаясь с "эволюционистами", что военная революция XV–XVIII вв. была естественным продолжением средневековой военной революции, проходившей поэтапно с конца XII по 40-е годы XIV в.¹³

⁸ Наиболее законченный вид концепции Паркера изложен в упомянутом выше его исследовании. Там, в частности, дано сжатое и вместе с тем емкое определение сущности военной революции: "Трансформация военного дела в Европе на заре Нового времени включала в себя три основных компонента – широкое использование огнестрельного оружия, распространение новых систем фортификации и рост численности армий". – Parker G. *The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*, p. 43.

⁹ См., например: Tallett F. *Op. cit.*; Frost R.J. *The Polish-Lithuanian Commonwealth and the "Military Revolution" in Poland and Europe: Historical Dimensions. V. 1. Selected Essays from the Fiftieth Anniversary International Congress of the Polish Institute of Arts and Sciences of America. New York, 1993*, p. 19–47; Childs J. *The Military Revolution I: The Transition to Modern Warfare*. – *The Oxford Illustrated History of Modern War. Oxford, 1997*, p. 19–34, и др.

¹⁰ Hale J.R. *Op. cit.*, p. 46.

¹¹ Lynn J. *Giant of the Grand Siècle. The French Army 1610–1715. Cambridge, 1997*, p. 5–9.

¹² См., например: Childs J. *Op. cit.*, p. 19–34, а также названные выше работы Дж. Блэка и других исследователей.

¹³ Prestwich M. *Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience. New Haven–London, 1996*, p. 345–346.

Достаточно спорным и неоднозначным выглядит, по мнению ряда современных историков, и вопрос о степени влияния перемен в военной сфере на заре Нового времени на политическое и социальное устройство европейских государств. Если с точки зрения сторонников военной революции необходимость создания сильных и многочисленных постоянных армий стимулировало процессы становления сильной власти и рождение абсолютистских монархий, то, к примеру, британский исследователь Н. Хеншелл полагает, что все было с точностью до наоборот: "Большие армии были скорее следствием сильной монархии, а не ее причиной"¹⁴.

Таким образом, можно заключить, что разброс мнений по проблеме военной революции к настоящему времени достаточно велик и прежнее единство мнений, "ортодоксия", сменилось на много большим разнообразием точек зрения. Это во многом обусловлено тем, что Робертс и его первые последователи оперировали материалами не всей Европы, а прежде всего Европы протестантской, Северной и Северо-Западной. В основу его концепции легли многолетние изыскания по шведской политической, социальной и военной истории XVII в. Привлечение же материалов из других регионов Европы давало порой весьма неожиданные результаты, которые нельзя было однозначно истолковать в свете традиционной теории¹⁵. Это и вызвало противоречия и критику "классической" концепции, а также появление ее модификаций и отрицающих ее новых, построенных на совершенно других принципах концепций.

Существует ли возможность примирения крайних точек зрения и выработки нового видения проблемы военной революции применительно к периоду позднего Средневековья и начала Нового времени с учетом всех тех критических замечаний, которые были высказаны в ее адрес в предыдущие годы? На наш взгляд, существует.

Для начала необходимо определиться с тем, в чем суть термина "военная революция". Обычно под революцией понимается некое качественное изменение, коренная ломка сложившихся принципов, представлений или концепций в жизни общества или отдельных его сфер. Это изменение есть проявление скачка, возникающего в тот момент, когда количественные изменения в той или иной сфере жизни общества достигают определенной величины, за которой следует возникновение нового качества¹⁶. Исходя из этого, можно определить структуру военной революции. Она может быть разделена на три основных этапа. На первом, подготовительном, стремление как можно быстрее и эффективнее разгромить неприятеля вело к постепенному формированию некоей критической массы количественных изменений в военном деле – как в технологии, так в тактике и стратегии. На втором – количество посредством скачка переходило в качество, т.е. происходила собственно военная революция. Этот скачок, как правило, был ограничен во времени и пространстве и связан с деятельностью одного или нескольких лиц. После этого начинался следующий, завершающий этап военной революции, когда разработанные и доказавшие на практике свою эффективность новые методы и приемы ведения войны осваивались, совершенствовались и приспособлялись к конкретно-историческим условиям другими армиями и обществами. Затем этот цикл повторялся снова и снова. Таким образом, можно заключить, что процессы эволюции-революции в развитии военного дела были тесно взаимосвязаны.

Не была в этом плане исключением и военная революция на заре Нового времени. Правы те авторы, которые подвергают критике Робертса за то, что он ограничился периодом с 1560 по 1660 г. Однако, на наш взгляд, отвергать саму концепцию военной

¹⁴ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003, с. 10–11.

¹⁵ В этом плане достаточно примечательна небольшая статья английского историка Р. Фроста, упомянутая выше. Признавая в целом наличие отдельных признаков военной революции в Речи Посполитой в середине XVI–сердине XVII в., он, тем не менее, подчеркивал существенные ее отличия от классического западноевропейского сценария.

¹⁶ Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 239, 480.

революции в пользу эволюции на том основании, что процесс изменений занял несколько сот лет, нельзя. Скорее всего, ошибочной является также и идея о существовании двух (или более) военных революций в период между 1450 и 1800 гг. Военная революция в Европе все-таки имела место, и она была одна. Но картина ее выглядит намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Период, названный Робертсом, можно соотнести со вторым ее этапом, временем скачка, своеобразного прорыва в военном деле Европы. При этом имеет смысл сузить его рамки с 90-х годов XVI в. до 30-х годов XVII в. Именно в это время и произошел переворот в тактике и обучении войск, повлекший за собой все остальные перемены – как чисто военные, так и политические, социальные, экономические, культурные и пр. Период же с конца 30-х годов XVII в. и вплоть до конца эпохи наполеоновских войн – это время постепенного совершенствования той системы принципов подготовки и ведения войны, которые были разработаны Морицем и Вильгельмом Нассаускими на рубеже XVI–XVII вв. и развиты применительно к новым условиям шведским королем Густавом Адольфом. Ведь, по сути, после того как в результате реформ Вильгельма и Морица родилась первая по-настоящему регулярная армия, в дальнейшем речь идет именно о развитии тех идей, которые были высказаны ими.

Средства истребления людей, которыми располагали Мориц Нассауский и Наполеон спустя 200 лет, не слишком сильно отличались друг от друга. Разница была лишь в том, что Наполеон обладал значительно большими ресурсами и потому мог утверждать, что "Бог всегда на стороне больших батальонов". Так что переход от сравнительно небольших армий смешанного комплектования первой половины XVII в., в которых все еще преобладали наемники, к армиям второй половины XVII–XVIII в., где наемников существенно потеснили рекруты, набранные принудительно из числа подданных короля, к конскрипционным и первым массовым армиям первой половины XIX в. вовсе не означал радикальных перемен в европейском военном деле. Менялись мундиры, прически, отдельные (только отдельные!) элементы тактики и стратегии, но не оружие и не идеи и уж, тем более, не ментальность военного сообщества. Пока не появились пулеметы, скорострельные магазинные винтовки и артиллерийские орудия, телеграф, радио и железные дороги, европейские армии, их тактика и стратегия менялась не настолько существенно, чтобы можно было говорить о новой военной революции. К первому же этапу военной революции следует отнести время с конца или даже с середины XV в. и до 90-х годов XVI в. В эти годы шел процесс постепенного накопления тех количественных изменений, которые должны были рано или поздно перерасти в качественный скачок.

Военная революция позднего Средневековья – начала Нового времени не была уникальным явлением в мировой истории. Впервые описанная Робертсом, она стала одним из звеньев длинной цепочки событий в развитии военного дела. Можно смело утверждать, что военная революция в Европе на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени вовсе не случайное явление в истории. Она стала одной из составляющих мирового исторического процесса, одним из звеньев в целой цепи более ранних и более поздних военных революций. Сам процесс развития военного дела, как и развития общества в целом, является довольно сложным. Военное дело с древнейших времен было одной из важнейших сфер жизни человеческого общества, которой придавалось особое значение. Без успешного его развития, без постоянного поиска наилучших форм его организации выживание того или иного общества, цивилизации было невозможно. В силу этого военное дело никогда не стояло на месте, и время от времени в различных регионах мира происходили радикальные изменения в характере ведения войн, в вооружении, тактике, стратегии и т.д. и т.п., которые коренным образом меняли облик мира. Представляется, что здесь нужно ставить вопрос иначе – каковы были последствия как этой, так и всех остальных военных революций, носили ли они региональный, локальный или же глобальный характер, оказывая воздействие на судьбы всего человечества.

Первой военной революцией можно считать возникновение армии как государственного, политического института, пришедшего на смену племенным ополчениям. Весьма значительную роль сыграла "гоплитская" революция и рождение регулярной, постоянной армии в эллинистических государствах и Римской империи, рождение и становление средневекового европейского рыцарства. Не менее важными были изобретение лука и стрел, одомашнивание коня, создание боевой колесницы, введение во всаднический обиход стремени. Эти технологические новшества в значительной степени изменили "лицо битвы" и войн в целом. Однако в той или в иной степени они являлись локальными переворотами, не меняя коренным образом расстановку сил и не делая в конечном счете лишь одну определенную модель военного строительства образцом для всеобщего подражания и копирования.

Военная революция в Европе на рубеже Средневековья и Нового времени, напротив, стала первой глобальной по своим последствиям военной революцией. Она привела не просто к рождению новой системы организации военного дела, но, как отмечал Паркер, к коренным переменам в расстановке сил на мировой арене: «В значительной степени "подъем Запада" был предопределен применением силы, тем, что баланс сил между европейцами и их заокеанскими противниками постоянно склонялся в пользу первых... успех европейцев в создании первых по-настоящему глобальных империй между 1500 и 1750 гг. был обусловлен как раз теми усовершенствованиями в ведении войны, которые позднее будут обозначены как "военная революция"»¹⁷. Этот коренной переворот утвердил безусловный приоритет европейского военного дела над любыми неевропейскими военными системами той эпохи и вынудил другие государства, желавшие выжить, попытаться взять европейский опыт на вооружение. "Военная мощь имеет четыре измерения, – писал американский исследователь С. Хантингтон, – количество людей, оружия, техники и ресурсов; технологическое – эффективность и степень совершенства вооружения и техники; организационное – слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; и общественное – способность и желание общества эффективно применять военную силу"¹⁸. Если в первом измерении остальной мир и превосходил Европу (особенно Восток), то по другим параметрам европейцы были впереди, и их отрыв непрерывно возрастал по мере ускорения развития европейского общества.

Примечательно, что промежутки между революциями в военном деле Европы все время сокращались. Связано это, безусловно, с общим возрастанием темпов развития человеческой цивилизации. От "гоплитской" революции середины I тыс. до н.э. до очередной, "рыцарской" революции прошло более 1500 лет, от нее до выделенной Робертсом революции – примерно пять столетий. Новая военная революция произошла уже спустя три с половиной столетия, в начале XX в. Сейчас, спустя менее чем 100 лет после первой мировой войны, на наших глазах происходит очередная военная революция, в корне меняющая существовавшие до сих пор представления о войне. И две последние революции только закрепили господствующее положение Запада в военной сфере, утвердив тем самым достигнутое военным путем политическое, экономическое и культурное преобладание западной цивилизации над всеми остальными в современном мире. В этом отношении достаточно интересным представляется ответ на вопрос, является ли Россия частью европейской цивилизации или нет, именно через призму концепции военной революции позднего Средневековья и раннего Нового времени. Ни средневековый Китай, ни Индия, ни Османская империя, ни мир ислама, ни индейские империи Америки не смогли найти адекватные ответы на военный вызов со стороны Запада и оказались в разной степени зависимы от него. Россия же смогла усвоить уроки этой военной революции, творчески переработать их и создать совершенную военную машину. Сле-

¹⁷ Parker G. The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800, p. 4.

¹⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003, с. 126.

довательно, Россия, пусть и весьма своеобразная, но все-таки часть европейской христианской цивилизации, часть Европы.

При тщательном рассмотрении особенностей первой глобальной военной революции нетрудно заметить, что она была тесно связана с социально-экономическими переменами, которые происходили в Европе с конца XIII в. Замечание, сделанное Энгельсом почти полтора столетия назад относительно взаимосвязи изменений в военной сфере с переменами в экономике, не утратило своего значения до сих пор. «Ничто так не зависит от экономических условий, — писал Энгельс, — как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не "свободное творчество ума" гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам»¹⁹. Правда, на наш взгляд, формула, выведенная Энгельсом, нуждается в некотором уточнении. При сохранении примата экономических перемен над военными необходимо в большей степени учитывать влияние субъективного фактора. Гениальные полководцы не просто следуют за событиями, но стараются по мере возможности подтолкнуть события, стремясь получить самое эффективное оружие и лучших солдат. Это стремление в свою очередь стимулирует развитие экономики, а последнее — новые перемены в военной сфере.

В Западной Европе уже в XII в. наметились определенные признаки начинающегося кризиса устоев феодального общества и зарождения новых, буржуазных отношений. Сначала эти процессы затронули духовную сферу, породив такую блестящую эпоху, как Ренессанс. Только после высвобождения творческой силы человеческого духа и разума начался экономический подъем. Вскоре процессы, образно говоря, духовного и экономического раскрепощения пошли рука об руку, взаимно стимулируя друг друга. Постепенное накопление количественных изменений в культуре и экономике привело к тому, что во второй половине XV в. Европа вплотную подошла к той грани, за которой должно было родиться некое новое качество, новое общество, с новой культурой, новой экономикой, новыми общественными отношениями.

Экономический и демографический подъем, сопряженный с началом эпохи Великих географических открытий и радикальных перемен в политическом устройстве ведущих европейских государств, формирование мирового рынка посредством включения в европейскую экономическую систему заокеанских источников сырья и драгоценных металлов — все это ускорило процессы перемен сначала в военно-технической области, а затем в тактике и стратегии европейских армий.

Количественные изменения в военной сфере стали быстро нарастать, формируя критическую массу. Средневековая армия должна была уступить место армии Нового времени, тем более что кризис традиционной средневековой феодальной системы был налицо. Презираемые, хотя и считавшиеся необходимыми пехотинцы стали играть все большую роль не только во время осад и обороны крепостей и замков, но и в полевых сражениях, появились первые отряды специалистов-техников, артиллерия и пр. Прежние времена, когда тяжеловооруженный всадник господствовал на поле боя, начали уходить в прошлое²⁰.

Первые признаки, свидетельствующие о начинавшемся закате средневековой военной системы, основанной на примате тяжеловооруженной конницы, появились еще во второй половине XIII—начале XIV в. Так, именно в это время английский король Эду-

¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 171.

²⁰ Не случайно на заре классического Средневековья термины "воин" и "всадник" были фактически синонимами. См., например: Контамин Ф. Война в средние века. СПб., 2001, с. 41.

ард I в ходе войн с валлийцами возродил угасшее было в Англии искусство стрельбы из лука. Комбинируя действия отрядов лучников, арбалетчиков, конных и пеших наемников и рыцарского ополчения, он сумел подчинить не только валлийцев, но шотландцев. В дальнейшем найденная Эдуардом I модель организации армии блестяще оправдала себя на полях сражений Столетней войны, когда рыцарская французская армия, культивировавшая индивидуализм и традиции рыцарских поединков, потерпела сокрушительные поражения при Креси, Пуатье и под Азенкуром²¹. Примерно в это же время городское ополчение фламандских городов, состоявшее преимущественно из вооруженных древковым холодным оружием пехотинцев, не без успеха сражалось с французской тяжеловооруженной конницей.

Следующие шаги были сделаны в ходе последнего этапа Столетней войны и Бургундских войн, а также во время многочисленных войн, бушевавших в Италии в конце Средневековья. Именно к этому времени относятся первые попытки создания по-настоящему постоянных, регулярных армий. Наиболее характерной их чертой было объединение отдельных бойцов, пеших или конных, не просто в отряды, а в сплоченные, действующие на поле боя как единое целое тактические единицы. Эти новшества в первую очередь использовались в Италии, особенно в северной ее части, и в прилегающих к ней районах — одном из наиболее экономически и социально развитых регионов Европы. Элементы армии нового типа без труда можно обнаружить в армиях итальянских кондотьеров конца XIV—XV в. Попыткой создания постоянной армии являлись и предпринятая в 1445 г. французским королем Карлом VII организация "ордонансовой" армии, и военные реформы начала 70-х годов XV в., проведенные бургундским герцогом Карлом Смелым. Серьезным прогрессом в военном деле были и тактические изыскания швейцарских капитанов того времени²².

Тем не менее поначалу перемены в военном деле были не настолько значительны, чтобы произвести коренной переворот в характере ведения войн, а также в государстве и обществе. Пока еще рано было говорить именно о военной революции. В конце концов даже блестящие образцы военного искусства, предъявленные лучшими представителями итальянского кондотьерства, такими как Бартоломео Коллеони, Аттендоло Сфорца, Браччо да Монтоне, или подвиги швейцарских пехотинцев, по существу, представляли собой вершину, пик развития средневековой военной системы. Даже несмотря на отдельные эпизодические случаи успешного применения огнестрельного оружия, исход сражения и у кондотьеров, и у швейцарцев решался в рукопашном бою, в схватке лицом к лицу с применением холодного оружия. Кризис еще не наступил, и средневековое военное дело еще сохраняло значительные резервы для совершенствования.

Однако такое положение сохранялось недолго. Обострившееся к концу XV в. соперничество ведущих европейских государств за гегемонию в Европе и в мире привело к дальнейшему развитию военной техники и военного дела. О значении межгосударственной конкуренции для развития военного дела в конце Средневековья и на заре Нового времени свидетельствует пример позднесредневековой Японии. Длительные войны, бушевавшие в ней со второй половины XV и до начала XVII в., обусловили стремительное развитие военного дела. Противоборствующие кланы и группировки, напрягая все силы для борьбы с противниками, стремительно развивали как военную практику, так и

²¹ См.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории, т. III. СПб., 1996, с. 239–242, 283–296; Свечин А.А. Указ. соч., с. 114–120.

²² О тактических новациях, связанных с деятельностью выдающихся представителей итальянского кондотьерства и швейцарцев см.: Дельбрюк Г. Указ. соч., т. III, с. 344–402; Разыграев А.В. Итальянские кондотьеры XIV–XV веков. — Сержант, 1997, № 4, с. 2–6; Свечин А.А. Указ. соч., с. 126–132. Военные реформы Карла VII подробно рассмотрены Н.А. Хачатуряном (Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989, с. 156–167), а Карла Смелого — М. Чиняковым (Чиняков М. К вопросу о бургундских войнах. — Воин, 2001, № 6, с. 11–12). О военном деле позднего средневековья см. также: Контамин Ф. Указ. соч., с. 135–267; Пэрруа Э. Столетняя война. СПб., 2003, с. 353–412, и др.

теорию. За полтора столетия японцы прошли тот же путь, что и европейцы. К концу XVI в. японские военачальники вплотную подошли к введению тех же тактических принципов, которые легли в основу европейской военной системы Нового времени. Блестящая самурайская конница уже не безраздельно доминировала на полях сражений. Её существенно потеснили пехотинцы-асигару. Именно они стали играть в сражениях и боях все большую роль, причем вооруженные длинными пиками и луками асигару постепенно вытеснялись аркебузирами (первые аркебузы были ввезены европейцами в Японию в 1542 г. и быстро распространились в японских армиях того времени).

В ходе войн японские военачальники широко пользовались разного рода полевыми фортификационными сооружениями. Наконец, в 1574 г. в сражении при Нагасино Ода Нобунага впервые в Японии, а быть может, и в мире, использовал элементы линейной тактики. Для того чтобы сокрушить отменную конницу своего противника Такэда Кацуёри, он построил 3 тыс. своих стрелков в три шеренги за бамбуковым частоколом. Атаковавшие очертя голову позиции войска Ода всадники Такэда были встречены следовавшими один за другим дружными залпами аркебуз неприятеля и были почти полностью истреблены.

Японцам оставалось сделать еще один шаг, и они могли независимо от европейцев прийти к созданию совершенно новой армии со всеми вытекающими отсюда политическими, социальными, экономическими и культурными последствиями. Однако после того, как в 1615 г. войска Токугава Иэясу взяли крепость Осака, в которой засел его главный противник в борьбе за объединение Японии Тоётоми Хидэёри, междоусобные войны в Японии прекратились. Стимул к дальнейшему развитию военного дела исчез. Количественные изменения так и не перешли в качественные, военная революция в Японии не перешла в завершающую стадию. Японцы остановились в своем развитии почти на два с половиной столетия. "Проснулись" они только в 1853 г. от грома пушек эскадры коммодора М. Пэрри и тогда внезапно обнаружили, что традиционной самурайской доблести и не менее традиционных самурайских мечей и луков вместе с безнадежно устаревшими аркебузами явно недостаточно для того, чтобы противостоять колониальной экспансии европейцев²³.

В Европе же противоборство держав за гегемонию на континенте и в прилегающих к нему акваториях Мирового океана (а потом в Новом Свете и в Азии), начавшись в конце XV в., не прекращалось на протяжении XVI и последующих веков. Ожесточенная борьба за гегемонию, в которой армии и флоты играли далеко не последнюю роль, требовала мобилизации возможно больших сил и средств от европейских государств, вступивших в противоборство друг с другом, а растущие потребности государства – постоянного поддержания экономического роста. Поскольку необходимый уровень интенсификации производства еще не был достигнут, расширение экономического базиса могло происходить главным образом экстенсивным путем, за счет вовлечения в хозяйственный оборот новых территорий, людских, материальных и иных ресурсов. Конечно, всегда можно пойти по пути внутренней колонизации, но практически всегда это требует значительных капиталовложений и расходов, проведения целенаправленной политики. Было бы большим преувеличением считать, что государства Европы на заре Нового времени были на это способны.

Единственным выходом из создавшегося положения, достаточно традиционным и привычным, была внешняя экспансия. Активизация же внешней политики, попытки достигнуть односторонних преимуществ над соседями неизбежно вели к обострению межгосударственных противоречий, на которые наслаивались противоречия династи-

²³ Подробнее о развитии военного дела и военного искусства в Японии в XV–начале XVII вв. см.: Тернбулл С. Самурай. Военная история. СПб., 1999, с. 183–377; Куршаков А.А. Доспехи тосэй-гусоку. – Сержант, 2000, № 1 (14), с. 41–46; Носов К.С. Вооружение самураев. М., 2001, с. 11–15, 112–122; Синицын А.Ю. Рыцари страны Восходящего солнца. История. Традиции. Оружие. СПб., 2001, с. 155–245.

ческие, религиозные и др. Выход из конфликтной ситуации находили довольно просто – путем военного разгрома конкурентов, навязывания им своей воли. Мощная армия, а начиная с XVI в. и военно-морской флот становились, таким образом, залогом успешного развития государства и общества. Возникла взаимосвязанная система развития экономики, общества, государства и вооруженных сил. Промышленный и демографический подъем Европы и отдельных ее регионов конца Средневековья создал условия для осуществления прорыва в области военных технологий. В свою очередь этот прорыв способствовал осуществлению военной революции, а она начала диктовать свои условия развитию и экономики, и политики, и культуры, и всей жизни европейского общества. Русский военный историк А.К. Пузыревский отмечал, что период с конца XV до начала 30-х годов XVII в. стал переходным этапом в истории военного дела²⁴. Главной и наиболее характерной чертой этого переходного периода, подчеркнем это еще раз, стало быстрое совершенствование огнестрельного оружия, первоначально артиллерии, а потом и ручного. Возросшая роль артиллерии и ручного огнестрельного оружия особенно ярко проявилась в годы Итальянских войн конца XV–первой половины XVI в. Именно в ходе этого многолетнего конфликта пушки, аркебузы и пистолеты превратились в серьезную силу, оказывавшую все более возрастающее воздействие на исход не только отдельных сражений, но и целых кампаний. Как отмечал отечественный исследователь Д. Уваров, именно в 1520-е годы завершилась революция в огнестрельном оружии и сложились три главных его компонента, которые без серьезных изменений просуществуют до середины XIX в.: гранулированный черный дымный порох, длинноствольные железные ружья с деревянными прикладами и литыми свинцовыми пулями, литые бронзовые орудия с цапфами на колесных лафетах, стреляющие чугунными ядрами²⁵.

Возросшая эффективность и могущество огнестрельного оружия повлекли за собой серьезные изменения в военном деле позднего Средневековья. Стремление противостоять растущей мощи артиллерийского огня привело к рождению в конце XV–начале XVI в. новой системы фортификации, более эффективной, но и более дорогостоящей – *trace italienne*, быстро распространившейся по всей Европе, от туманного Альбиона до Польши. Генеральным направлением развития *trace italienne* было создание такого начертания бастионного фронта, который был бы практически неуязвим для неприятельского штурма, даже поддержанного сильной осадной артиллерией. К середине XVI в. эта цель в значительной степени была достигнута, и густая сеть крепостей и городов, построенных заново или модернизированных согласно принципам *trace italienne*, покрыла всю Европу²⁶. Широкое распространение новой фортификации привело к серьезным переменам в политической, экономической и военной сферах. Новые укрепления стоили значительно дороже и требовали огромных материальных затрат и людских ресурсов – и для их обороны, и для осады и штурма.

Изменившийся характер войны потребовал новых армий, новых солдат и нового оружия во все возрастающем количестве. Характерная черта армий той эпохи заключалась в том, что они неуклонно росли в числе, достигнув максимума в первые годы XVIII в. (он был превзойден лишь столетием спустя). Так, численность испанской армии

²⁴ См. Пузыревский А.К. История военного искусства в средние века (V–XVI стол.), ч. II. СПб., 1884, с. 88. Правда, на наш взгляд, временные рамки этого переходного периода необходимо скорректировать – завершиться он должен во второй половине XVI в.

²⁵ Уваров Д. Западноевропейские средневековые метательные машины. – Воин, 2003, № 11, с. 18.

²⁶ Анализ особенностей новой системы фортификации и процесса ее распространения по Европе см.: Duffy С. Siege Warfare. London, 1979, р. 29–34 и др. По мнению французского историка Ф. Броделя, и с этим нельзя не согласиться, стремительному распространению новой фортификационной системы способствовала также и турецкая угроза. Вплоть до конца XVII в. она оставалась фактором, оказывающим серьезное влияние на международные отношения и развитие европейского военного дела. – Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2003, с. 710.

в 70-х годах XV в. составляла около 20 тыс. воинов, спустя 80 лет – 150 тыс. В 90-х годах XVI в. испанский король мог рассчитывать уже на 200 тыс. солдат и офицеров. Новые армии состояли преимущественно из пехоты – как пикинеров, так и стрелков, поскольку оснащение, содержание и обучение пехоты обходилось дешевле, чем кавалерии, и в новых условиях пехота оказывалась более эффективной, нежели кавалерия. Так, в 1552 г. по время кампании в Лотарингии испанцы располагали 5 тыс. конницы и 24 тыс. пехоты²⁷.

Точно так же обстояло дело и с постоянной, регулярной армией. Войны в XVI в. были затяжными, и набранные один раз армии не распускались долго, де-факто превращаясь в более или менее постоянные. Набрал же армию, подготовив, вооружив и обучив, распустить ее после окончания кампании, а затем снова и снова повторять эту процедуру с началом новой кампании становилось слишком накладно и опасно – а вдруг неприятель не даст времени на сборы? Получалось, что постоянная армия дешевле и эффективнее. Примером такой почти постоянной армии может служить испанская армия в Нидерландах, образованная в конце 60-х годов XVI в. и просуществовавшая более столетия.

Неизмеримо выросло и значение военно-морского флота. Пример Португалии и Испании, за короткое время, менее чем за столетия, превратившихся в первые по настоящему колониальные империи с обширными заморскими владениями, откуда непрерывным потоком поступали золото, серебро, пряности и прочие товары, имевшие в глазах европейцев огромную ценность, был заразителен. Наличие флота стало обязательным компонентом вооруженных сил любого европейского государства XVI в., тем более, XVII и XVIII вв., если оно претендовало на статус великой державы. Не только число солдат, выставляемых в поле, но и размеры эскадр, бороздивших моря и океаны, способность показывать свое присутствие в разных регионах мира теперь определяли, может ли государство действительно считать себя великим. Достаточно вспомнить судьбу Испании. Если в 1588 г., на пике своего могущества, король Филипп II располагал только в европейских водах на основных театрах военных действий 271 боевым кораблем (включая галеры), то спустя полтора столетия испанский флот насчитывал всего лишь 34 линейных корабля, и никто в это время всерьез уже не считал Испанию великой державой²⁸.

Рост армий ставил перед правительствами европейских государств новые проблемы. Поддержание растущих армий и флотов в боеспособном состоянии требовало организации их бесперебойного обеспечения всем необходимым и приводило к неуклонному росту военных расходов. К примеру, испанская корона с 1571 по 1577 г. на содержание только средиземноморского флота и армии во Фландрии израсходовала 18 млн. 755 тыс. дукатов. Всего же ее расходы на ведение войны с восставшими Нидерландами с 1566 г. по 1654 г. составили не менее 218 млн. дукатов (значительно больше, чем она получила из своих заокеанских колоний – 121 млн. дукатов)²⁹.

Сумма количественных изменений в тактике и стратегии подошла к критической точке, за которой должен был произойти скачок, переход в новое качество. Этот скачок, ознаменовавшийся появлением постоянной, регулярной армии и созданием новой, линейной тактики, где мушкетеры играли главную роль, а пикинеры – второстепенную, оказался связан с событиями испано-голландской войны. Эта война, продлившаяся более полустолетия, началась вскоре после революции в Нидерландах. Она стала настоящим испытательным полигоном для европейской военной мысли и технологии той эпохи. Именно здесь, на голландской земле, доведенная до максимально возможного совер-

²⁷ См. Parker G. *Europe in Crisis 1598–1648...* p. 23; *idem*. *The Army of Flanders and the Spanish Road 1567–1659*. Cambridge, 1972, p. 6; Hale J.R. *Op. cit.*, p. 53.

²⁸ Parker G. *The Grand Strategy of Philipp II*. London, 1998, p. 202; Kennedy P. *The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York, 1987, p. 99.

²⁹ Kennedy P. *Op. cit.*, p. 50; Parker G. *Philipp II Boston–Toronto*, 1978, p. 122.

шения позднесредневековая ренессансная военная система (ее можно условно назвать испано-католической) столкнулась с новыми реалиями и в конечном счете проиграла, породив новую, голландскую военную школу. Последняя же стала основой для шведской системы, из которой и выросло европейское военное искусство Нового времени.

Военная революция фактически завершилась. В последующие более чем два с половиной столетия европейская военная мысль развивалась в направлении поиска оптимального сочетания разных родов войск, огневой мощи, подвижности и удара, совершенствования приемов боевого применения пехоты, кавалерии и артиллерии, тактики и стратегии. «Мушкет, а не пика, стал "queen of battlefield"», – отмечал английский историк Ф. Таллетт³⁰. Огнестрельное оружие и на суше, и на море окончательно победило холодное, а новая, рожденная военной революцией Нового времени тактика и стратегия наземного и морского боя – прежние средневековые приемы ведения войны. Речь теперь шла о совершенствовании армии-машины, доведении принципов новой военной школы до логического завершения, когда имевшаяся в распоряжении генералов техника и людской материал могли быть использованы с наибольшей эффективностью. Это и было сделано в конце XVIII–начале XIX в. Наполеоном, который завершил намечившийся еще в середине XVIII в. переход от оборонительной стратегии к стратегии наступательной.

Продолжавшееся и после завершения Тридцатилетней войны соперничество и конкуренция между европейскими державами, стремление не отстать от потенциальных противников в освоении последних новинок военного дела способствовали дальнейшему развитию как тактики и стратегии, так и военной техники и технологии. Гонка вооружений ставила правящие элиты государств – претендентов на статус великих держав перед выбором: либо они окажутся способными изыскать необходимые финансовые и материальные ресурсы для содержания постоянно растущих армий, дорогостоящих фортификационных работ, производства во все возрастающих количествах более или менее единообразного оружия и амуниции, строительства флота, либо проиграют в борьбе с соседями, которые найдут все необходимое.

Всякое отставание в развитии военного дела грозило весьма неприятными последствиями. По существу, если европейское (или любое другое, азиатское, африканское или американское) государство в ту эпоху желало сохранить себя как субъект международных отношений или, более того, претендовало на статус великой державы, оно было обязано наращивать военный потенциал, включаться в процесс военной революции. В противном случае оно превращалось в государство-изгой, в объект политики, за счет которого более удачливые и разворотливые соседи решали свои проблемы. "Неспособность принять необходимый уровень милитаризма, милитаристской культуры как составной части эффективной политико-государственной системы, милитаризованной социальной структуры и милитаристского этоса в системе международных отношений, – отмечал английский историк Дж. Блэк, – вела к фатальным последствиям. Первый пример – Польша, утратившая независимость в 1792–1795 гг., второй – Соединенные Провинции (Голландская республика), которые были быстро завоеваны сперва бурбонской, а потом революционной Францией в 1747–1748 и 1795 гг."³¹.

Военная революция, таким образом, превращалась в один из важнейших двигателей прогресса общества, в первую очередь экономического и технологического. Быть постоянно в числе лидеров, решать сложнейшие задачи поддержания необходимого уровня милитаризма могла только сильная центральная власть с развитым бюрократическим аппаратом, способная наладить бесперебойную систему снабжения вооруженных сил всем необходимым. Частные лица и государства, размеры и ресурсы которых, а также устройство государственного аппарата не соответствовали новым требованиям, бы-

³⁰ Tallett F. *Op. cit.*, p. 28.

³¹ Black J. *War and the World*, p. 214–215.

ли обречены на поражение. Не случайно именно в XVI в., особенно во второй его половине, процесс формирования сильных абсолютистских режимов в ряде государств Западной Европы стал ускоряться и завершился спустя 100 лет. Первой на этот путь встала Испания, затем Франция и империя Габсбургов, Швеция, Дания и некоторые другие более мелкие государства. В принципе неважно, насколько сильны были отличия, к примеру, между абсолютизмом Филиппа II испанского, Людовика XIV французского или Карла XII шведского. Важнее другое – государство в большей или меньшей степени поставило общество под свой контроль. «Европейские государства монополизировали право иметь вооруженные силы не только в своих европейских владениях, но также в колониях, на суше и на море... Монополизация насилия была также частью процесса внутригосударственного "умиротворения" и установления контроля над обществом», – отмечал Блэк³². Таким образом, военная революция конца Средневековья – начала Нового времени существенно ускорила процессы формирования нового европейского общества и государства, придала характерные черты их эволюции.

³² Ibid., p. 205–206.